ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ

ТРАГЕДІЯ

Александра Сумарокова.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

САНКТПЕТЕРБУГЪ,

въ Типографіи Императорскаго Театра

1807.

Дорогіе друзья!

Представляемъ вамъ трагедію Александра Петровича Сумарокова «Димитрій самозванецъ», написанную на историческомъ матеріалѣ смуты въ Россіи въ періодъ короткаго пребыванія Димитрія Самозванца (Лжедмитрія) на московскомъ тронѣ въ началѣ XVII вѣка. Въ основу сюжета положенъ эпизодъ возстанія народа противъ Димитрія и его сверженіе.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ въ авторской орѳографіи, вывѣренный по источнику от 1807 года [1] съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

[1] Сумароковъ, А.П. Димитрій Самозванецъ: трагедія Александра Сумарокова. – Санктъ-Петербургъ: Тип. Имп. театра, 1807. – XII, 59 с.; 22 см.

ДИМИТРІЙ

САМОЗВАНЕЦЪ

ТРАГЕДІЯ

Александра Сумарокова.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

САНКТПЕТЕРБУГЪ,

въ Типографіи Императорскаго Театра

1807.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ. — *Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревской.*

ШУЙСКОИ. — *Гаврила Григорьевич Волковъ.*

ГЕОРГІЙ Князь Галицкїй. — *Иванъ Ѳедоровичъ Лапинъ.*

КСЕНІЯ, дочь Шуйскаго. — *Татьяна Михайловна Троепольская.*

ПАРМЕНЪ, Наперсникъ Димитрїевъ. — *Николай Семеновичъ Бахтуринъ.*

НАЧАЛЬНИКЪ стражи — *Иванъ Яковлевичъ Соколовъ.*

БОЯРА и ПРОЧІЯ.

Дѣйствїе въ Кремлѣ, въ Царскомъ домѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Димитрїй самозванецъ не вступно только годъ царствовалъ. Сїе вида его изображенїе, снято съ эстампа, сдѣланнаго въ тотъ самый годъ, когда онъ былъ на Россїйкомъ престолѣ, и вырѣзано въ Авгсбургѣ, не яко Самозванца, но яко Государя Московскаго, котораго будто Всевышнїй возвелъ на тронъ ради просвѣщенїя Россїйскаго народа; ибо онъ обѣщался Папѣ Клименту VIII ввести въ Россїю исповѣданїе Римской церкви; слѣдовательно сїе изображенїе по всѣмъ обстоятельствамъ вѣрное, такъ ради любопытныхъ людей, а особливо ради Россїянъ сей эстампъ достоинъ примѣчанїя. Я ево получилъ отъ Госпожи Марїи Анны Каллотъ, Академики Санкпетербургской Императорской Академїи Художествъ, Скульптеры и Пансїонеры ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Нашелъ я сїе начертанїе между протчими тогдашняго времени Государей въ книжкѣ портретной. А въ Россїи ево и не бывало и нынѣ нѣтъ ни у ково. Скорость времени, а отъ того и ошибка въ семъ портретѣ [*] учинена; ибо портретъ сей не нату сторону вырѣзанъ; такъ должно знати, что бородавки на лицѣ Самозванца на выворотъ изображены: у нево они были на правой сторонѣ носа, и на лѣвой лба, а не такъ , какъ здѣсь начертано. А въ нихъ нужда; ибо по нимъ и по большимъ ушамъ такъ же и по долгой рукѣ, особливо сообразенъ былъ онъ прямому Димитрїю. Что-жъ до Трагедїи моей надлежитъ; такъ я и Публикѣ Петербургской и

[*] Сія ошибка нынѣ поправлена.

Петербургскимъ Актерамъ приношу мое чувствительнѣйшее благодареніе.

———

Слово Публика, какъ нигдѣ и Г. Вольтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества; но часть малую онаго: то есть людей знающихъ и вкусъ имущихъ. Естьли бы я писалъ о вкусѣ Диссертацію; я бы сказалъ то, что такое вкусъ, и изъяснилъ бы оное; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невѣждъ не мало, какъ и вездѣ; ибо вселенная по большой части ими наполненна. Слово Чернь принадлежитъ низкому народу: а не слово: подлой народъ; ибо подлой народъ суть каторжники и протчія презрѣнныя твари, а не ремесленники и земледѣльцы. У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается, которые не дворяня. Дворянинъ! великая важность! Разумный священникъ и проповѣдникъ Величества Божіяго, или кратко Богословъ, Естествословъ, Астрономъ, Риторъ, Живописецъ, Скульпторъ, Архитекторъ и протч: по сему глупому положенію члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія! И поруганія! Истинная чернь суть невѣжды, хотя бы они и великіе чины имѣли, богатство Крезово, и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало, отъ сына Филлиппова побѣдителя, или паче разорителя вселенныя, отъ Іюлія Цесаря, утвердившаго славу Римскую, или паче разрушившаго оную. Слово Публика и тамо, гдѣ гораздо много ученыхъ людей, не значитъ ничево. Людовикъ XIV далъ Парнасу златой вѣкъ въ своемъ отечествѣ; но по смерти ево вкусъ мало по малу сталъ исчезать. Не

изчезъ еще; ибо видимъ мы онаго остатки въ Г. Вольтерѣ и во другихъ Французскихъ писателяхъ. Трагедіи и Комедіи во Франціи пишутъ; но не видно еще ни Вольтера, ни Моліера. Ввелся новой и пакостный родъ слезныхъ комедій; ввелся тамъ: но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова: а у насъ по Театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредной вкусъ, а особливо вѣку Великія ЕКАТЕРИНЫ не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ Драмахъ къ Г. Вольтеру: но они въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло Актриса подъ именемъ Евгеніи Бакханту ни изображала: а сіе рукоплесканіе Переводчикъ оныя Драмы, какой-то подьячій, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подьячій сталъ судіею Парнаса, и утвердителемъ вкуса Московской публики!... конечно скоро преставленіе свѣта будетъ. Но не уже ли Москва болѣе повѣритъ подьячему, нежели Г. Волтеру и мнѣ: и неуже ли вкусъ жителей Московскихъ сходняе со вкусомъ сево подьячева! Подьячему соплетать похвалы вкуса Княжичей и Господничей Московскихъ, толь маловмѣстно, коль не пристойно лакею, хотя и придворному, мои пѣсни, безъ моей воли, портить, печатать и продавать, или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить ево Драмы, и за порчу собирать себѣ деньги, или съѣзжавшимся видѣть Семиру, сидѣть возлѣ самаго оркестра и грысть орѣхи, и думаши, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ

Партерѣ въ кулачки биться, а въ Ложахъ разсказывать исторіи своей недѣли громогласно, и грысть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи; а публиковать газеты весьма маловажныя, можно и внѣ Театра; ибо таковые газетчики къ тому довольно времени имѣютъ. Многіе въ Москвѣ зрители и зрительницы, не для того на позорище ѣздятъ, дабы имъ слышать не нужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія, ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе Публики автору: ево служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы путешествователи, бывшіе въ Парижѣ и въ Лондонѣ скажите! грызутъ ли тамъ во время представленія Драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, къ тревогѣ всего партера, ложъ и театра? Но какъ то ни есть: я жалѣю, что я не имѣю копіи съ посланнаго къ Г. Волтеру письма, бывъ тогда въ крайней растройкѣ, крайне боленъ, когда Князь Козловской отъѣзжавшій къ Г. Вольтеру, по письмо ко мнѣ заѣхалъ: я отдалъ мой подлинникъ, ниже ево на бѣло переписавъ; одно отвѣтное письмо сего отличнаго автора и слѣдственно отличнаго и знатока, нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ: а особливо, что до скаредной слезной комедіи касается. А ежели ни Г. Вольтеру, ни мнѣ ни кто въ этомъ повѣрить не хочетъ; такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пити съ солью, кофе съ чеснокомъ: и съ молебномъ совокупятъ панафиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какая между разумными зрителями Драмы и между безумными. Не

по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи; а качество имѣетъ основаніе на истиннѣ.

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ:
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

ТОЧНЫЙ МНѢ Г. ВОЛТЕРА ОТВѢТЪ [1]

Au Chateau de Fernéy 26 *Fevrier* 1769.

MONSIEUR.

Votre lettre et vos ouvrages sont une grande preuve que le génie et le gout sont de tout pays. Ceux qui ont dit qui la Poésie et la Musique étaient bornées aux climats tempérés, se sont bien trompés. Si le chmat avait tant de puissance, la Grece porterait encor des Platon et des Anacréon, comme elle porte les mêmes íruits et les mêmes fleurs; l'Italie aurait de Horace, des V.rgile, des Arioste en des Tasse; mais il n'y a plus à Rome que des procession et dans la Grece que des coups de bâtons. Il fault donc absolument des Souveraius qui aiment les arts, qui s'y connaissent et qui les encouragent; ils chan gent le climat, ilt font naitre les roses au milieu des neiges.

C'est ce que fait votre incomparable. Je croirais que les lettres dont Elle m'honore me viennent de Versailles, et que lá vôtre est d'un de mes confreres de l'Academie française. Monsieur le prince de Koslowski qui

[1] Въ исходномъ изданіи переводъ на Русскій языкъ отсутствуетъ. – *Примѣчаніе издателя.*

m'a rendu les lettres et la vôtre, s'exprime comme vous, et c'est ce que j'ai admiré dans tout les seigneurs Russes qui me sont venus voir dans ma retraite. Vous avez sur moi un prodigieux avantage, je ne fais pas un mot de votre langue et vous possedez parfaitement la mienne. Je vais répondre à toutes vos questions dans lesquelles on voit assez vôtre sentiment sous l'apparence du doute. Je me vante à vous, Monsieur, d'etre de votre opinion en tout.

Oui, Monsieur, je regarde Racine comme le meilleur de nos poëtes tragiques sans contredit, comme celui qui le seul a parlé au coeur et à laraison, qui seul a été véritablement sublime sans aucune enflure, et qui a mis dans la diction un charme incon nu jusqu à lui. Il est le seul encor qui ait traité l'amour tragiquement: car avant lui Corneille n'avoit fait bien parler cette passion que dans le Cid, et le Cid n'est pas de lui. L'amour est ridicule ou insipide dans presqu toutes ses autres pieces.

Je pense encor comme vous sur Quinault. C'est un grand homme en son genre. Il n'aurait par fait A'ltr poétique; mais Boileau n'aurait pas fait Armide.

Je souscris entiérement à tout ce que vous dites de Moliere et de la Comédie larmoyante: qui, à la honte de la nation, a succédé au seul vrai genre comique, porté à sa perfection par l'inimitable Moliere.

Depuis Renard qui était né avec un génie vraîment comique et qui a seul approché Moliere de près, nous n'avoos eu que des especes de monstres. Des auteurs qui êtaient incapables de faire seulement une bonne plaisanterie, ont voulu faire des tragedies; ils n'avaient pas assez de gaieté pour écrire des comédies; ils ne savaient pas seulement faire parler un valet Ils ont mis des avantures tragiques sous des noms bourgeois. On dit qu il

y a quelque intérêt dans ces pieces et qu'elles attachent assez quand elles sont bien jouées; cela peut être; je n'ai jamais pu les lire; mais on prétend que les Comédiens font quelque illusion. Ces pieces bátardes ne sont ni tragédies ni comédies; quand on n'a point de chevaux on est trop heureux de se faire trainer par des mulets.

Il y a vingt ans que je n'ai vu Paris. On m'a mandé qu on n'y jouait plus les pieces de Moliere. La raison, à mon avis, e'est que tout le monde les sait par coeur; presque tous les traits en sont devenus proverbes; d ailleurs, il y a des longueurs, les intrigues quelque fois sont faibles, et les dénouemens sont rarement ingémeux. Il ne voulait que peindre la nature, et il en a èté sans doute le plus grand Peintre.

Voilà, Monsieur, ma profession de foi que vous me demandez. Je suis faché que vous me resembliez par votre mauvaise santé. Heureusement vous êtes plus jeune et vous ferez plus long temps honneur à votre nation. Pour moi je suis déjà mort pour la mienne J'ai l'honneur d'être avec l'estime infinie je vous dois,

MONSIEUR

Votre très humble et
tres obeissant serviteur

Voltaire.

———

Разсмотреніе содержанія Евгеніи.

Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой, худовоспитанной, и нечистосердечной графъ внѣ Лондона распалился красотою дочери нѣкоего небогатаго дворянина, и велѣлъ своему слугѣ себя съ нею обвѣнчать: Она обрюхатѣла, а онъ возвратился въ Лондонъ и помолвивъ жениться на какой-то знатной дѣвицѣ, собирается ко дню сочетанія. Перьвая ево супруга приѣхала въ ево домъ : свѣдала, что сожитель ея съ другою бракомъ сочетовается: бѣгаетъ растрепавъ волосы: она плачетъ отецъ сердится: въ домѣ иной плачетъ, иной хохочетъ; наконецъ сожитель ее сей повѣса и обманщикъ достойный висѣлицы за поруганіе Религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманываетъ другую невѣсту, знатную дѣвицу: входитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство: отказываетъ невѣстѣ, и вдругъ перемѣнивъ свою систему, опять женится вторично на перьвой своей женѣ; но кто за такова гнуснаго чековѣка поручится, что онъ на завтрѣ еще на комъ нибудь не женится, ежели правительство и духовенство ево не истребятъ. Сей мерской повѣса не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовѣстности и злодѣянію.

А. С.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

ТРАГЕДІЯ

———

ДЕЙСТВИЕ I.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Димитрій и Парменъ.

Парменъ.

Разрушь монархова наперстянка незнанье!
Дней тридцать лишь твое внимаю я стѣнанье
И зрю что мучишься, на тронѣ завсегда;
Какая предстоитъ Димитрію бѣда:
Блаженству твоему какая грусть мѣшаетъ:
Или уже тебя престолъ не утѣшаетъ?
Хоть былъ нещастливъ ты; но вѣкъ твой нынѣ новъ;
То небо отдало, что отнялъ Годуновъ;
Не могъ тебѣ злодѣй во гробъ дверей отперти;
Судьбиною ты взятъ изъ челюстей злой смерти:
А истинна на тронь отцовъ тебя взвела;
Какія-жъ горести судьба тебѣ дала?

Димитрій.

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ.

Парменъ.

Ты много варварства и звѣрства сотворилъ:
Ты мучилъ подданныхъ, Россію раззорилъ,
Тирански плаваешь во дѣйствіяхъ безчинныхъ,
Ссылаешь и казнишь людей ни въ чемъ невинныхъ.
Противъ отечества не утолимъ твой жаръ;
Прекрасный сталъ сей градъ темницею бояръ.
Отечества сыны всѣ щастьемъ одинаки,
И здравіе твое брегутъ одни Поляки.
Восточной церкви здѣсь законъ совсѣмъ падетъ:
Подъ иго папское царь Росскій насъ ведетъ.
И ежели ко злу влечетъ тебя природа;
Преодолѣй ее и будь отецъ народа!

Димитрій.

Въ законѣ Климентъ мя присягой обязалъ,
А Польскій мнѣ народъ услуги показалъ;
Такъ милости моей Россія не причастна:
Коль папской святости не хочетъ быть подвластна.

Парменъ.

Мнѣ мнится человѣкъ себѣ подобнымъ братъ:
И лжеучители разсѣяли развратъ;
Дабы лжесвятости ихъ черни возвѣщались,
И ко прибытку имъ ихъ басни освящались.
Намъ наши пастыри того не говорятъ,
И съ ними развратясь судьбу благодарятъ.
Сложила Англія, Голландія, то бремя,
И полгерманіи: наступитъ скоро время,

Что и Европа вся откинетъ прежній страхъ:
И съ трона свержется прегордый сей монахъ.
Который толь себя отъ смертныхъ отличаетъ,
И чернь котораго какъ Бога величаетъ.

Димитрій.

Толь дерзостно Парменъ о немъ не говори;
Сіе свѣшило чтутъ и князи и цари!

Парменъ.

Не всѣ къ нему, не всѣ усерднымъ сердцемъ таютъ;
Но многіе ево притворно почитаютъ:
И виденъ только въ немъ вселенскій патріархъ:
Не міра судія, не Богъ и не монархъ.
А папа вить не всѣхъ людей скотами числитъ;
Разумный человѣкъ о Богѣ здраво мыслитъ.

Димитрій.

Во умствованіи не трать напрасно словъ:
Коль въ небѣ хочешь быть; не буди философъ;
Премудрость пагубна, хотя она и льстивна.

Парменъ.

Премудрость Вышнему быть можетъ ли противна?
Исполненъ ею Онъ вселенну созидалъ,
И мертву веществу животъ и разумъ далъ.
На что ни взглянемъ мы, Его премудрость видимъ
Или что въ Богѣ чтимъ, въ себѣ возненавидимъ?

Димитрій.

Премудрость Божія непостижима намъ.

Парменъ.

Такъ Климентъ оныя не постигаетъ самъ.
Къ понятію ея ума предѣлы тѣсны;
Но дѣйства Божества въ твореніи извѣстны:
И естьли изостримъ намъ данные умы;
Что папа вѣдаетъ, узнаемъ то и мы.

Димитрій.

За дерзость будешь тамъ ты мучишься вовѣки,
Гдѣ жажда, гладъ, тоска и огненныя рѣки,
Гдѣ скорбь душевная и неисцѣльныхъ ранъ.

Парменъ.

Димитрій будетъ тамъ, когда онъ сталъ тиранъ.

Димитрій.

Я вѣдаю, что я нежалостный зла зритель,
И всѣхъ на свѣтѣ семъ безстудныхъ дѣлъ творитель.

Парменъ.

Такъ должно отъ такихъ дѣлъ страшныхъ убѣгать.

Димитрій.

Нѣтъ силъ и не могу себя превозмогать.
Затмится Росска честь и дѣйствія геройски:
Почтутъ отцемъ отцевъ мои всѣ папу войски;

Оружіемъ ему я церковь покорю;
Коль хочетъ царь того; удобно то царю.

Парменъ.

Во треволненное вдаешься царь ты море;
А тщася учредить Москвѣ и Россамъ горе,
Готовишь ты себѣ нещастливый конецъ;
Колеблется твой тронъ, съ главы падетъ вѣнецъ.

Димитрій.

Россійскій я народъ съ престола презираю,
И власть тиранскую неволей простираю.
Возможно ли отцемъ мнѣ быти въ той странѣ,
Котора мя гоня всево противнѣй мнѣ?
Здѣсь царствуя я тѣмъ себя увеселяю,
Что Россамъ ссылку, казнь и смерть опредѣляю,
Сыны отечества Поляки будутъ здѣсь;
Отдамъ подъ иго имъ народъ Россійскій вѣсь.
Тогда почувствую послѣдуя успѣху,
Я санъ величества и царскую утѣху;
Когда при томъ и то я въ добычь получу,
Что я, давно уже, имѣть себѣ хочу.
А ежели сіе, мой другъ, не совершится;
Димитрій множества спокойствія лишится.
Грызеньемъ совѣсти я много мукъ терплю;
Но мука мнѣ и то, что Ксенію люблю.

Парменъ.

У Ксеніи женихъ, а у тебя супруга...

Димитрій

Я чту тебя, Парменъ, какъ вѣрнаго мнѣ друга;
Такъ я не кроюся: могу прервати бракъ:
И тайный ядъ мою жену пошлетъ во мракъ.

Парменъ.

Объемлетъ трепетъ...

Димитрій.

Ты пугаешься напрасно.

Парменъ.

О дѣйствіи такомъ помыслити ужасно.

Димитрій.

Я къ ужасу привыкъ, злодѣйствомъ разъяренъ,
Наполненъ варварствомъ и кровью обагренъ.

Парменъ.

Супруга предъ тобой ни мало не виновна.

Димитрій.

Предъ царемъ должна быть истинна безсловна;
Не истинна царь, я, законъ, монарша власть:
А предписаніе закона царска страсть.
Невольникъ тотъ монархъ, кто презритъ тѣ забавы,
Въ которыхъ вольности препятствуютъ уставы:
И естьлибъ былъ таковъ порфироносца вѣкъ;
Такъ былъ тогдабъ и царь подвластный человѣкъ,
И суетно бы онъ для подданныхъ трудился,

Когдабъ какъ подданный онъ истинной
судился.

Парменъ особливо.

Потщусь отъ варварства супругу обрегать.
Димитрію.
Въ геенну ты себя стараешься ввергать.

Димитрій.

О Климентъ! естьли я въ небесномъ буду
градѣ;
Кому-жь мученіе готовится во адѣ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Димитрій, Парменъ и Страженачальникъ.

Начальникъ.

Великій государь! смущается народъ,
И всѣ волнуются какъ бурей токи водъ:
Иной отважился и явно то вѣщаетъ,
Что онъ противъ царя и скиптра ощущаетъ.

Димитрій.

Какой на площади плетется ими вредъ?
Я скоро прекрачу сей мерзкой черни брѣдъ.

Начальникъ.

Не смѣю, Государь, то точно повторяти.

Димитрій.

Вѣщай! а Россовъ я умѣю усмиряти.

Начальникъ.

Что ты не царскій сынъ, которымъ ты явленъ,
Что онъ, во Угличѣ, не ложно умерщвленъ:
Отрепьевымъ тебя, въ народѣ именуютъ.
Твою исторію вотъ тако знаменуютъ:
Что ты изъ общества монашеска ушелъ,
И въ Польшѣ ты себѣ убѣжище нашелъ,
И тамо обманувъ и тестя и невѣсту,
Дошелъ обманами къ престола царска мѣсту:
Что днесь колеблется Поляками сей тронъ,
И церкви западной ты вводиши законъ:
Чшо ты безбожія и наглостей рачитель,
Москвы, Россіи врагъ, и подданныхъ мучитель.

Димитрій.

Надежну стражу мнѣ Поляками умножь,
И духа яростью еще не востревожь;
Внимать изверговъ сихъ не станетъ больше мочи:
Представь мнѣ Шуйскова и съ дочерью предъ очи.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Димитрій и Парменъ.

Парменъ.

Когда тебя судьба на тронъ такой взвела;
Не родъ, но царскія потребны намъ дѣла.
Когдабъ не царствовалъ въ Россіи ты злонравно;
Димитрій ты, иль нѣтъ, сіе народу равно.

Димитрій.

Мятежъ отъ Шуйскова: въ лице ево то зрю;
Когда во друга я врага не претворю;
Въ сей день пожретъ ево, пожретъ земли утроба;
Отверзу и ему и Ксеніи дверь гроба.

Парменъ.

Остановляется моя сей рѣчью кровь:
Неслыханную къ ней имѣешь ты любовь.

Димитрій.

Любовь геройская во мщеніе преходитъ,
Когда взаимственной утѣхи не находитъ:
И ежели княжна пренебрежетъ сей страхъ;
Цвѣтущу розу я преобращу во прахъ.
Когда противится монаршей нѣжной страсти;
Противится она законной царской власти.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Димитрій, Парменъ, Шуйской и Ксенія.

Димитрій.

Мнѣ дерзской площади извѣстенъ наглый шумъ,
И основаніе ея коварныхъ думъ,
Сіе Московскіе вельможи утверждаютъ.
И благоденствіе престола повреждаютъ.

Шуйской.

Не важенъ черни шумъ, то только звукъ

пустой;
И лай разноситъ вѣтръ, исчезнетъ онъ...

Димитрій.

Постой!
Мнѣ тайны твоея не льзя проникнуть болѣ:
Все ясно: на моемъ быть хочешь ты престолѣ.

Шуйской.

Чтобъ я монархомъ былъ преславной сей странѣ,
Не всходятъ и на умъ такія мысли мнѣ.
Ты нашъ монархъ и сынъ монарха Іонна:
Въ Соборной церкви намъ глава твоя вѣнчанна.
Тираномъ былъ у насъ злонравный Годуновъ:
Ты грозенъ, праведенъ; отецъ твой былъ таковъ.
Роптанье на тебя злочестные сугубятъ:
Тати, піяницы: а протчіе всѣ любятъ.
По нуждѣ днесь ты лютъ; но будешь милосердъ
Великій государь! въ Москвѣ, престолъ твой твердъ.

Димитрій.

Базумцемъ ты меня, лаская мнѣ, не числи:
Со взоромъ, съ рѣчью сей, твои не сходны мысли:
Будь истинный мнѣ другь, то дружество храня.

Шуйской.

Я твой послушный рабъ.

Димитрій.

Парменъ, оставь меня.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Димитрій, Шуйской и Ксенія.

Димитрій.

Что ты передо мной въ рѣчахъ не лицемѣренъ,
Въ томъ быти я хочу дѣйствительно увѣренъ.
Мой рокъ, любовію, всю кровь мою зажогъ;
Такъ дай ты Ксенію мнѣ дружества въ залогъ.

Ксенія.

Меня?

Шуйской.

Супругу ты имѣешь.

Димитрій.

Закономъ та Римлянка:
Благочестивая потребна Россіянка.

Ксенія.

Я сердцемъ со другимъ давно сопряжена.

Димитрій.

Такъ ты не хочешь быть монархова жена?

Ксенія.

Не отвратитъ меня сіяніе короны,
Ниже всея земли и скипетры и троны,

Отъ нынѣшней моей къ любовнику любви,
И не погаснетъ жаръ горящій во крови,
Которымъ полонъ умъ, которымъ чувство таетъ:
И вѣчно въ сердцѣ семъ Георгій обитаетъ.

Димитрій.

Но смерть тебя и съ нимъ удобна низкосить,
И жаръ съ обѣихъ странъ любовный погасить.

Ксенія.

Тогда на вѣки мы другъ друга позабудемъ:
И прежде никогда невѣрны мы не будемъ.

Димитрій.

Никакъ забыла, кому даетъ отвѣтъ?
Страшишься-ль смерти ты, мученій, казней!

Ксенія.

Нѣтъ.

Димитрій.

Такъ ты готовься къ нимъ въ отважности безъ страха;
Не будетъ твоего на свѣтѣ семъ и праха.
О небо! истинной ко мщенію бѣгу,
Тужа, что жизнь отнявъ терзати не могу:
Подвигнулъ бы теперь адъ, море я, и сушу,
И вѣчно бы терзалъ я Ксеніину душу.

Шуйской.

Не буди государь такъ ею прогнѣвленъ;

Такой ея упоръ отъ младости явленъ.
Коль толь очамъ твоимъ ея прекрасно тѣло;
Вручи родителю ея сіе ты дѣло;
Я мысли дочери конечно премѣню.

Ксенія.

Я чесность вѣрности до гроба сохраню:
Или ты должности родительской не внемлешь,
Что мя содѣлати невѣрной предпріемлешь?
Все тщетно, какъ бы ты меня ни увѣщалъ.

Шуйской.

Исполню то, что я исполнить обѣщалъ,
И образумится несмысленная дѣва.
Пожди и умѣряй жаръ праведнаго гнѣва.

Димитрій.

Увѣщевай ее колико льзя тебѣ.

Ксенія.

Не воображай меня супругою себѣ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Шуйской и Ксенія.

Шуйской.

Возникни истинна къ народной оборонѣ!
Не долго врагъ Москвы пребудеши въ коронѣ.

Ксенія.

Но ты ему теперь иное говорилъ.

Шуйской.

Не мни, чтобъ истинну злодѣю я открылъ
Твоя несмысленность и неискусна младость,
Посѣяли въ тебѣ одну любови сладость;
Стремишься къ роскоши прямымъ путемъ ийти;
Притворностью къ ней путь стремися ты найти.
Когда имѣемъ мы съ тираномъ сильнымъ дѣло;
Противорѣчити ему не можемъ смѣло:
Обманъ усилился на тронъ ево вѣнчать;
Такъ истинна должна до времени молчать,
Доколь низвержется сіе съ Россіи бремя.
О Боже! дай Москвѣ и намъ покойно время!

Ксенія.

Тиранъ отъемлетъ жизнь мою меня разя.

Шуйской.

Обманывай ево, притворствуй сколько льзя,
Надежду подавай, въ немъ сердце распаляя,
И варварство ево любовью утоляя,
Во воздыханіе преобращая гнѣвъ.
Любви покорствуетъ змѣя и тигръ и левъ:
И звѣри дикіе свирѣпство оставляютъ,
Какъ нѣжной роскоши привѣтствія являютъ.

Ксенія.

Сей варваръ аспида и василиска зляй.

Шуйской.

Отчаянную мысль какъ можешь удаляй,
Которою свой духъ толико ужасаешь.
И помни, что отца, любовника спасаешь:
А къ нимъ приобщено отечество твое:
Москва, Россія вся...

Ксенія.

Мнѣ вѣстно все сіе;
Но исполненіе сего весьма мнѣ трудно.
Избавь Россію мной, о Небо правосудно!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Георгій и Ксенія.

Георгій.

Языкъ мой долженъ я притворству покорить;
Иное чувствовать, иное говорить,
И быти мерзостнымъ лукавцамъ я подобенъ.
Вотъ поступь, естьли царь неправеденъ и злобенъ.

Ксенія.

Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфироносный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ,
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни:
Страшатся коего злодѣи лишь одни:

Георгій.

О ты печальный Кремль! Сталъ нынѣ ты свидѣтель,
Что днесь низверженна съ престола добродѣтель.
Томящаясь Москва въ унынiи дрожитъ,
Блаженство въ горести изъ стѣнъ ея бѣжитъ:
Дни свѣтлы кажутся густой темняе нощи;
Прекрасны вкругъ Москвы покрыты мракомъ рощи.
Когда торжественный шумитъ во градѣ звонъ;

Намъ мнится, что твердитъ онъ града общій стонъ,
И церкви нашея паденье возвѣщаетъ,
Которое она отъ папы ощущаетъ.
О Боже, ужасъ сей отъ Россовъ отведи!
Уже разносится молва на площади,
Что Климентъ обѣщалъ на небеси награду,
Мятежниками, врагамъ отеческому граду,
И что имъ всѣ грѣхи прощаетъ напередъ;
Постраждетъ такъ Москва, какъ страждетъ новый свѣтъ.
Тамъ кровью землю всю паписты обагрили,
Побили жителей, оставшихъ разорили:
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь,
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой кровавый мечь.
Что съ ними дѣлалось въ незапной ихъ судьбинѣ,
Отъ папы будетъ то тебѣ Россія нынѣ.

Ксенія.

Всѣ силы пагубны, Димитрій, Климентъ, адъ,
Изъ сердца моего тебя не истребятъ.
О Небо, удали свирѣпство папской власти,
А съ нимъ и Ксеніи несносныя напасти;
Дабы свою главу Россія подняла,
А я-бъ супругою любовнику была!
Дай намъ увидѣти Монарха на престолѣ,
Подвластна истиннѣ, не беззаконной волѣ!
Увяла правда вся; тирану весь законъ
Едино только то, чево желаетъ онъ:
А праведныхъ царей для ихъ безсмертной славы,

На щастьи подданныхъ основанны уставы.
Намѣстникъ Божества быть долженъ Государь.
Рази, губи меня, немилосердый царь!
Изъ тартара тебя Мегера возметала,
Кавказъ тебя родилъ, Ирканія питала.
Извержетъ еретикъ толпой своихъ рабовъ,
Тѣла святыхъ мужей, ругаясь, изъ гробовъ.
Въ Россіи имена ихъ вѣчно сокрушатся,
И домы Божіи въ Москвѣ опустошатся.
Народъ, сорви вѣнецъ съ главы творца злыхъ мукъ:
Спѣши, исторгни скиптръ изъ варваровыхъ рукъ;
Избавь отъ ярости себя непобѣдимой,
И мужа украси достойна дїадимой!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Димитрїй, Георгїй, и Ксенїя.

Димитрій.

Внемли и ты, и ты Георгій то внемли;
Вы ползающа тварь и черви на земли;
Внимайте рабственно монарше повелѣнье,
Иль паче святости небесъ благосоленье:
Не для тебя сія дѣвица рождена:
Она моею быть супругой суждена.
И естьли въ бѣдствіе не хочешь ты впускаться:
Престань прекрасною княжною сей ласкаться.

Георгій.

Не спорю, государь, безмолвствую.

Ксенія.

И я.

Димитрій.

И завтре будеши на вѣки ты моя.

Ксенія.

Изъ мысли то гоня, что было толь утѣшно,
Не льзя готовиться ко браку толь поспѣшно;
Я знаю, государь, сильна монарша власть;
Но не безсильняе ея любовна страсть.
Не можно вдругъ себя отъ страсти сей избавить,
Ниже любовника безъ горести оставить,
Дай нѣсколько ты дней сей страсти волновать,
И мнѣ Георгія привыкнуть забывать:
Дай прежню изцѣлить глубоку въ сердцѣ рану.
Что въ томъ, когда на бракъ отчаянна предстану
Лишь только къ олтарю я очи возведу,
Лишуся живота и мертвая паду.

Димитрій.

Отвергни наглое во страсти волнованье;
Иль кончится ево на свѣтѣ прибыванье.
Исчезни мѣлкая Царю на жертву тварь;
Онъ прахъ земной, а я вѣнчанный Россовъ царь.

Георгій.

Довольно я терпѣлъ...

Ксенія.

Молчи!

Георгій.

Сіе презрѣнье
Несносно мнѣ...

Ксенія.

Мой Князь!

Димитрій.

Монархово смиренье
Преобращется во справедливой гнѣвъ:
Разверзся на тебя голодной смерти зевъ.
Вступите стражи!

Стражи вступаютъ.

Георгій.

Я готовъ на разны муки;
Коль отданъ я судьбой во варварскія руки.
Насыться тать вѣнца, убійца и тиранъ,
Моею кровію и кровію гражданъ,
Возшедъ на высоту изъ преисподня дола:
Доколь не будеши низверженъ со престола.

Димитрій.

Въ темницу.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Димитрій и Ксенія.

Ксенія.

Варварствуй, терзай меня, терзай.
На всѣ злощастія свирѣпствуя дерзай!
Ты благо каждаго, мучитель, ненавидишь.
О Боже! Ты его дѣла ужасны видишь:
Тебѣ извѣстно то, каковъ народу онъ:
Всечастно отъ него Ты слышишь бѣдныхъ стонъ;
Проникни, каковы сіи мнѣ злы минуты,
Взгляни со небеси на горести толь люты;
Взгляни на трепетъ мой, взгляни на токи глазъ:
Услышь моленіе, услышь мой томный гласъ;
Пошли мучителю достойную награду,
И дай несчастнѣйшей хоть малую отраду!

Димитрій.

Я скоро въ горести тебѣ отраду дамъ:
Узнаете меня: явлю то ясно вамъ;
Георгій будешь весь растерзанъ предъ тобою:
А ты жди жалости подобной надъ собою.

Ксенія.

Почтенней на торгу съ Георгіемъ умреть,
Какъ со Димитріемъ себя на тронѣ зрѣть.

Димитрій.

Исполнится въ сей день сіе твое желанье,
И окончается къ Георгію пыланье,

Въ отмщенье скипетра, державы и вѣнца.

Ксенія.

Со нетерпѣніемъ я жду себѣ конца.
Ты пола не щадишь, ни рода, здѣсь ни чина:
Однако знай и ты: близка твоя кончина;
Здѣсь долго царствовать тебѣ надежды нѣтъ;
Тобой пролита кровь на небо вопіетъ;
Ты не былъ жалостью ни наминуту тронутъ:
Бояря, весь народъ и стѣны града стонутъ.
Не страшны казни мнѣ; угрозы всѣ вотще;
Сражай меня тиранъ; чево ты ждешь еще!
Шуйской предъ послѣднимъ стихомъ приходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Димитрій, Ксенія и Шуйской.

Шуйской.

За дерзости свои достойны вы сраженья.

Димитрій.

Превсходятъ дерзости всѣ силы вображенья:
Во удивленіе придетъ то внемля свѣтъ.

Шуйской.

Мой такъ отеческій пріемлешь ты совѣтъ!

Ксенія.

Въ отчаяніи мнѣ...

Шуйской.

Въ толико нагломъ дѣлѣ,
Бѣги отъ глазъ моихъ: исчезни ты отселѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Димитрій и Шуйской.

Шуйской.

Доколѣ не взойдетъ на горизонтъ луна,
Тебѣ престанетъ быть преслушницей она.
Смягчися, извини дѣвическую младость.

Димитрій.

Смягчаетъ мя любви желаемая сладость.
Какъ я ее люблю, хоть я о ней стоналъ,
Что до сихъ минуть еще не прямо зналъ.
Любовью чувствіе мое не утѣшалось,
И сердце славою единой украшалось.
Подвластенъ нѣжности простонародный духъ:
И сей увеселялъ меня единый слухъ,
Что мой божественный вѣнецъ ко страху блещетъ,
Москва во ужасѣ, Россія вся трепещетъ,
Дворяня знатные у ногъ моихъ лежатъ,
Вельможи предо мной какъ плѣнники дрожатъ.
Должна ли нѣжности порфира быть причастна!
О гордая душа! и ты любви подвластна.
Скажи ты дочери, чтобъ пала предо мной,
И мнѣ желая быть покорною женой,

Взяла бы перстень сей въ залогъ моей пріязни,
Или бъ готовилась на мѣсто лютой казни.

Шуйской.

Преслушная тебѣ, преслушна небесамъ;
И утверждаю я твое рѣшенье самъ;
Мы должны покарять желанія и страсти.
Закону Божію и государской власти.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Димитрій, Шуйской и Парменъ.

Парменъ.

Сугубится такъ шумъ, какъ буря востаетъ,
Когда отъ сѣверной страны Борей реветъ.
Прервется тишины народныя граница.
Георгіева смерть, оковы и темница,
И что жестокости всегда, на тронѣ, тѣжъ,
Приводятъ городъ весь во ярость и мятежъ.
Какой твой санъ, тебѣ опасности толики:
И бѣдства предстоятъ Димитрію велики,
Не восхотѣлъ ты здѣсь спокойно обладать,
И ярости своей нетщился обуздать:
Коль былъ бы подданнымъ ты щастьемъ и отрадой;
Народъ бы твоего престола былъ оградой.

Шуйской.

Подпора трона я, и площадь, умягчу,
И вѣрность подданныхъ монарху возврачу.
Надѣйся государь на Шуйскова ты твердо.

Димитрій.

Еще ли сердце днесь во мнѣ немилосердо,
Что я Георгію и площади терплю,
И новой кровію я града не кроплю!
Зіяетъ тигръ: а я зіяющаго глажу.
Пойди уйми народъ, а ты умножи стражу.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Димитрій одинъ.

Не твердо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ,
И близокъ моего величія конецъ.
Повсеминутно жду незапныя премѣны.
О устрашающи меня Кремлевы стѣни!
Мнѣ мнится что всякъ часъ вѣщаете вы мнѣ:
Злодѣй ты врагъ, ты врагъ и намъ, и всей странѣ.
Гласятъ гражданя; мы тобою разоренны;
А храмы вопіютъ: мы кровію обагренны.
Уныли вкругъ Москвы прекрасныя мѣста,
И адъ изъ пропастей разверзъ на мя уста:
Во преисподнюю зрю мрачныя степени,
И вижу въ тартарѣ мучительскія тѣни:
Уже въ геенѣ я и въ пламени горю:
Возрю на небеса: селенье райско зрю:
Тамъ добрые цари, природы всей красою:
И ангели кропятъ ихъ райскою росою:
А мнѣ отчаянну, на что надежда днесь!
Въ вѣкъ буду мучиться, какъ мучуся я здѣсь.
Не вѣнценосецъ я въ великолѣпномъ градѣ.
Но беззаконникъ злой терзаемый во адѣ.

Я гибну, множество народа погубя.
Бѣги тирань, бѣги,... ково бѣжать?... себя:
Не вижу ни ково другова предъ собою.
Бѣги!... куда бѣжать?... твой адъ вездѣ съ тобою,
Убійца здѣсь; бѣги!... но я убійца сей.
Страшуся самъ себя и тѣни я моей.
Отмщу!... кому?.... себѣ:.. себя-ль возненавижу?
Люблю себя... люблю... за что?... того не вижу.
Все вопитъ на меня: грабежъ, неправый судъ:
Всѣ страшныя дѣла, всѣ купно вопіютъ.
Живу къ нещастію, умру ко щастью ближнихъ.
Завидна участь мнѣ людей и самыхъ нижнихъ;
И нищей въ бѣдности спокоенъ иногда.
А я здѣсь царствую, и мучуся всегда.
Терпи и погибай, возшедъ на тронъ обманомъ!
Гони и будь гонимъ: живи, умри тираномъ!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Шуйской и Парменъ.

Парменъ.

Я мысли мрачныя злодѣю посвѣтилъ,
И новы ярости сколь можно укротилъ:
Георгія, отъ узъ, тиранъ, освобождаетъ;
Доводъ мой, гнѣвъ ево, по нуждѣ побѣждаетъ.
Наперсникомъ ево я былъ бы вѣренъ въ вѣкъ,
Коль добродѣтельный онъ былъ бы человѣкъ;
Но сынъ отечества: членъ Русскаго народа...

Шуйской.

Димитрія на тронъ взвела его порода.

Парменъ.

Когда владѣти нѣтъ достоинства ево,
Во случаи такомъ порода ничево.
Пускай Отрепьевъ онъ; но и среди обмана.
Коль онъ достойный царь, достойнъ царска сана.
Но пользуетъ ли намъ высокій санъ единъ?
Пускай Димитрій сей монарха Росска сынъ;
Да естьли качества въ немъ оного не видимъ:
Такъ мы монаршу кровь достойно ненавидимъ
Не находя въ себѣ къ отцу любови чадъ.
Коль нѣтъ отъ скипетра во обществѣ отрадъ,
Когда невинные въ отчаяніи стонутъ,
Вдовы и сироты во горькомъ плачѣ тонутъ:

Коль, вмѣсто истинны, вокругъ престола лесть:
Когда въ опасности имѣнье, жизнь и честь:
Коль истинну сребромъ и златомъ покупаютъ:
Не съ прозьбой ко суду; съ дарами приступаютъ:
Коль добродѣтели отличной чести нѣтъ;
Грабитель и злодѣй безъ трепета живетъ,
И человѣчество во всѣхъ дѣлахъ тѣснится;
Монарху слава вся мечтуется и снится.
Пустая похвала возникнетъ и падетъ,
Безъ пользы общества на тронѣ славы нѣтъ.

Шуйской.

Царю и обществу я всякихъ благъ желаю.

Парменъ.

А я на небеса молитвы возсылаю.
Спасай отечество, Георгія, себя.
И дѣву страждущу рожденну отъ тебя.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Шуйской одинъ.

Лукавствуй ты иль нѣтъ, Димитрій мной увянетъ.
Низвержется, падетъ, падетъ и не востанетъ.
Когда умрети рокъ велитъ, умреть хощу;
Но на Димитрія весь городъ возмущу.
Спасу престольный градъ, отечество избавлю:
Умру но имени безсмертіе оставлю.
Почтенъ герой, врага который побѣдитъ;

Но кто отечество отъ ига свободитъ:
И побѣдителя почтенняй многократно:
За общество умреть, и хвально и пріятно.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Шуйской, Георгій и Ксенія.

Шуйской.

Врагъ общества еще вамъ хочетъ говорить,
Съ собой желая васъ тирански примирить.
Но предложеніе ево хотя и гнусно:
Старайтесь поступать вы скромно и искусно.
Такой же вамъ совѣтъ и прежде я давалъ;
Но вы испортили, что я ни основалъ.
Кто силѣ уступать при нуждѣ не умѣетъ,
Въ развратномъ мірѣ жить, понятья не имѣетъ.

Георгій.

Оставь содѣянну мнѣ, князь, вину сію!
Презрительны слова тронули честь мою:
Они смятенный весь мой духъ восколебали:
Предосторожности всѣ разомъ погибали.
Я въ вѣкъ не ожидалъ, съ рожденья моево,
Услышати такихъ рѣчей ни отъ ково;
Неожидаемо нахальство умъ разшибло;
Вся память отошла: терпѣніе погибло.
И естьлибъ бракъ ево съ ней меньше мнѣ грозилъ;
Я-бъ мечъ тогда во грудь тиранову вонзилъ.
А днесь колико онъ безсовѣстенъ, безбоженъ,
Толь буду терпѣливъ предъ нимъ и

остороженъ.
Для ней одной, для ней ругательство стерплю:
Довольно ли тебя я, Ксенія, люблю.

Ксенія.

А я Георгія зря къ смерти осужденна,
Могла-ль терпѣніемъ быть, хитро, побѣжденна!
На что мнѣ жизнь и свѣтъ въ такой уже судьбѣ?
О мой любезный князь! душа моя въ тебѣ:
Тобой живу, дышу, тобою украшаюсь,
Тобой блаженствую, тобою утѣшаюсь.
Не стану, при тебѣ, и въ бѣдности тужить:
Въ убогой хижинѣ съ тобой готова жить.
Ни казнью мнѣ тиранъ и ни какой судьбою,
Не разлучитъ меня возлюбленный съ тобою.

Шуйской.

Но скройте во сердцахъ взаимный свой сей жаръ.

Георгій.

Ахъ, естьли поразитъ такой меня ударъ,
Что онъ насиліе употребитъ ко браку!
Такое торжество Георгіеву зраку,
Свирѣпяй муки той, какая въ адѣ есть:
И сердце каменно того не можетъ снесть.
Трепещетъ грудь моя, душа моя разится,
Когда мнѣ только то въ умѣ вообразится.

Ксенія.

Откинь сей страхъ, того не будетъ ни когда;

Сей бракъ не торжества, но смерти мнѣ чреда.
И естьли я съ тобой не буду сопряженна;
Съ тобою буду я во гробѣ положенна.
Пускай истлѣетъ нашъ, въ пещерѣ купно прахъ:
Не бракъ; но смерть моя тебѣ единый страхъ.

Георгій.

Дай мнѣ любезная единому умрети;
И смерти твоея не возмогу я зрѣти.
Живи, и въ черную одежду облекись,
Живи, и ангеломъ прекраснымъ нарекись!
Еще духовные духовну власть имѣютъ,
Еще Игнатію противустати смѣютъ,
И бодрствуютъ еще противу ересей,
Которы, папствуя, намъ сѣетъ пастырь сей.

Шуйской.

Въ печали, въ горести надѣйтеся на Бога;
Всесиленъ Онъ, премудръ: Его щедрота многа:
И слѣдуйте во всемъ совѣту моему.

Ксенія.

Во всемъ послѣдуемъ приказу твоему.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Георгій и Ксенія.

Ксенія.

Пройдите вы скоряй, пройдите дни плачевны!

Георгій.

Пройдите времена, которы столько гнѣвны!
Скрывайся въ сердцѣ ты горячая любовь:
Престань воспламенять мою кипящу кровь,
И нѣжнымъ перестань ея прельщаться взглядомъ;
Дабы не сталъ тебѣ взглядъ сей, смертельнымъ ядомъ!
Умолкни страсть моя я нуждѣ покорись:
Жаръ, пламень мой, во хладъ и въ стужу претворись!
Скрывайтесь нѣжности колико станетъ мочи!

Ксенія.

Взирайте на нево безъ нѣжности вы очи;
Не прежнія текутъ минуты сладкихъ дней,
И соглашайтеся съ притворностью моей:
Не воображайтеся тѣ радостны минуты,
Которы милы толь, колико нынѣ люты,
Какъ будто не было пріятства мнѣ сево:
Не трогайте теперь вы сердца, моево,
И вѣрностью къ нему не востревожьте мысли!

Георгій.

О небо ты мое вздыханія изчисли!

Ксенія.

И капли изочти моихъ горчайшихъ слезъ!

Георгій.

Смягчи мого судьбу Царь солнца и небесъ,
И обнови мое сладчайше упованье:

Или пересѣки на свѣтѣ пребыванье!
Не истребительна ни чѣмъ любовь сія.
Княжна! я вѣчно твой и вѣчно ты моя,
Какъ мы ни мучимся нещастною судьбою.

Ксенія.

Готова Ксенія на смерть ийти съ тобою:
И больше жизни всей любезнаго любя,
На всѣ мученіи готова для тебя.
Сей градъ, колико онъ сталъ нынѣ ни развратенъ,
Тобой еще мнѣ милъ, и такъ какъ рай пріятенъ,
Мнѣ мнится всѣ тобой наполнены мѣста;
Коль нѣтъ тебя; Москва мнѣ кажется пуста,
Тѣ милы улицы и тѣ во градъ дороги,
Твои касалися которымъ чаще ноги,
Тѣ села близскія, гдѣ я съ тобой жила,
И рощи, гдѣ съ тобой хотя я разъ была;
Тѣ чистые луга, по коимъ мы гуляли,
И водъ журчаніемъ свой слухъ увеселяли.

Георгій.

Мнѣ стѣны градскія и башни, городъ весь,
И протекающи, межъ горъ, потоки здѣсь,
Когда пріятную они погоду плещутъ,
И солнечны лучи, когда въ день красный плещутъ,
И нощи темнота, во самомъ крѣпкомъ снѣ,
Любезну Ксенію изображаютъ мнѣ.
Не вижу, при тебѣ, душѣ малѣйшей смуты;
И полны нѣжностью всѣ тропки, всѣ минуты:
До издыханія я въ области твоей.

Ксенія.
Подобно такъ и ты любезный мной владѣй.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Димитрій Георгій и Ксенія.

Димитрій.
Покорствуете ли предписанной судьбинѣ.

Георгій.
Все ясно разсмотрѣвъ покорны оба нынѣ.

Димитрій.
Во мзду сей жертвы мнѣ, я все прощаю вамъ;
Но впредь не то явлю толь наглыми я рабамъ.
О правосудія, плоды вы мщенью вкусны,
Какъ женской слабости вы кажетеся гнусны!
Быть пользою чему подлѣйша можетъ тварь,
А мучить весь народъ, единый можетъ царь:
Благополучія се въ мірѣ совершенство!

Георгій.
Но всенародное устроити блаженство,
Удобно въ свѣтѣ семъ ему же одному;
Ласкательно и то величью твоему.

Димитрій.
Блаженство завсегда весьма народу вредно;
Богатъ быть долженъ царь, а государство бѣдно.
Ликуй монархъ, и все подъ нимъ подданство,

стонь!
Всегда способняе къ труду нежирный конь,
Смиряемый бичемъ и частою ѣздою,
И управляемый крѣпчайшею уздою.

Георгій.
Способствуетъ трудамъ усердье и законъ.

Димитрій.
Самодержавію къ чему потребенъ онъ?
Узаконенія монарши царска воля.

Георгій.
Самодержавіе Россіи лучша доля.
Мнѣ думается, гдѣ самодержавства нѣтъ,
Что любочестіе, тѣснимо, тамъ падетъ;
Вельможи гордостью на подчиненныхъ дуютъ:
А подчиненные на гордыхъ негодуютъ.
Не сынъ отечества, отечества злодѣй.
На тронѣ ищущій изъ подданныхъ судей.
Правленья таковы совсѣмь Россіи новы:
Коль нѣтъ монарха въ ней, власть тяжкія оковы;
Нещастна та страна, гдѣ множество вельможь:
Молчитъ тамъ истинна, владычествуетъ ложь.
Благополучна намъ монаршеска держава;
Когда не бременна народу царска слава,
И естьли властвовать ты будешь такъ Москвой.
Благословенъ твой тронъ и вѣкъ Россіи твой.

Димитрій.
Я слышу таковы не рѣдко женски басни:

Сіяй Москва, или хотя на вѣкъ угасни!
Пускай живутъ мои народы въ ней стѣня;
Не для народовъ я, народы для меня.
А ты мя къ милости на то увѣщеваешь,
Что Ксенію еще имѣти уповаешь.

Георгій.

Но досаждаю ли предлогомъ симъ царю,
Когда я истинну и въ страсти говорю?
Я знаю то, что я во всемъ царю подвластенъ;
Но жаръ моей любви короны не причастенъ.
Мое-ль то, что законъ, естественный даетъ?

Димитрій.

У васъ имѣнія и собственности нѣтъ.
Ты князь! князь Галицкій и отрасль Константина;
Однако предо мной ты тѣнь и паутина;
Все Божье и мое.

Георгій.

Себѣ я свой ли самъ?

Димитрій.

И ты принадлежишь царю и Небесамъ:
А будучи моимъ, своимъ себя не числи.

Георгій.

Моя-ль во мнѣ душа, кровь, сердце, умъ и мысли?

Димитрій.

То все не для тебя, въ тебѣ сотворено;
Но Богу то и мнѣ совсѣмъ покорено.

Георгій.

Но Богъ свободу далъ своей послѣдней твари;
Такъ могутъ ли то взять законно государи?
Властительны они законы премѣнить;
Но можетъ ли ихъ власть неправду извинить?

Димитрій.

Не приключайте вы душѣ моей тревоги.
Пойди подъ стражу, ты въ назначены чертоги,
Моя любезная, прекрасная княжна:
А завтре будеши Димитрію жена.
Ты плачешь?

Ксенія.

Я тебѣ стараюсь быть подвластна,
Колико я увы! Георгіемъ ни страстна.

Георгію.

Неожидаемой покорствуя судьбѣ,
Преодолей себя колико льзя тебѣ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Димитрій и Георгій.

Димитрій.

Ты худо слѣдуешь, Георгій, повелѣнью!
Смущаешься.

Георгій.

Стремлюсь любви ко одолѣнью.

Димитрій.

Блѣднѣешь.

Георгій.

Нѣтъ... крѣплюсь... колико станетъ силъ...
Ты знаешь государь, что Ксеніи я милъ,
И безъ смятенія не льзя ее оставить.

Димитрій.

Но сердце наглое старайся ты исправить!
А безпрепятственно волнуй лишь тамо страсть,
Гдѣ выше смертныхъ санъ и полномочна власть.

Георгій.

Цари и цесари, колико ни преславны;
Но въ нѣжности любви и рабъ и цесарь равны.
Людей боготворитъ едина только лесть:
Не сходны должности и различна честь:
Определенная достоинству награда.
Царь подданныхъ отецъ, а подданныя чада:
Мы всѣ рождаемся и краткій вѣкъ живемъ:
Вельможа, царь и рабъ, и всѣ потомъ умремъ;
Пещера малая скрывающая сира,
И побѣдителя равно сокроетъ міра.
Оставимъ хижину, отшедъ изъ свѣта вонъ:
Оставитъ и монархъ великолепный тронъ.
Во всѣхъ насъ дѣйствуетъ равенственно природа:

И въ обладателѣ подвластнаго народа,
Какъ и въ родившемся, незапностью, рабѣ:
И всѣ подвержены естественной борбѣ.
Премѣны чувствуешь ты въ царскомъ сердцѣ гнѣвномъ:
Ихъ чувствую и я во сердцѣ днесь плачевномъ.
Услыши, Боже мой, молитву Ты мою:
Зри слезы, кои днесь передъ Тобою лью:
Простри отъ горьнихъ странъ божественную руку,
И злую отврати со Ксеніей разлуку;
Въ Тебѣ спасеніе, въ Тебѣ я льщусь найти;
Не дай нещастному въ отчаянье прийти!

Димитрій.

По увѣщаніи родительскомъ и многомъ,
Терзайся: рвись, рыдай и сѣтуй передъ Богомъ:
А мнѣ пріятно то, когда страдаешь ты,
Зря въ области моей любезны красоты.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Георгій одинъ.

Не чтя безсмертнаго и смертныхъ ненавидя,
Довольствуйся тиранъ, мое мученье видя.
Тревожа весь мой умъ и грудь мою разя,
Гордися и губи людей, доколѣ льзя!
Ахъ, естьли я лишусь красотъ, которы милы!
И вображеніе того отъемлетъ силы:
Мертвѣютъ чувства всѣ, темнѣетъ солнца лучъ:
И небо кажется покрыто мракомъ тучъ:

А воздухъ, надъ Москвой наполненъ мутнымъ адомъ.
Увижу-ль солнце я тебя надъ здѣшнымъ градомъ,
Народу щастливу свѣтяще въ высотѣ,
Лучи пускающе во прежней красотѣ:
Восплещутъ ли опять, играя, здѣшни воды:
Ко обителямъ прийдутъ ли дни свободы,
И возвратятся ли тѣ радостны часы,
Въ которы зрѣлъ, безъ слезъ, я Ксеніи красы:
Избавится-ль сей градъ безстудія и срамовъ,
И возблистаютъ ли верьхи златые храмовъ:
Затворитъ ли, увы, свой алчный злоба ротъ:
Возвеселятся ли дворяня и народъ:
Возрадуются ли Московскія дѣвицы,
И возсіяютъ ли прекрасныя ихъ лицы:
Престанетъ ли багрить, дворецъ и храмы, кровь?
Возникни здѣсь покой, возликовствуй любовь,
И буди щастливыхъ сердецъ увеселеньемъ!
А ты; Москва, а ты будь райскимъ намъ селеньемъ!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Димитрій и Ксенія.

Димитрій.

Когда готовятся утѣхи нѣжны намъ,
Одолевай себя любезный видъ очамъ,
И сердце умягчи ярящеся вседневно,
Произведенное, на тронѣ, быти гнѣвно,
Когда ты будеши супругою моей;
Прибѣгнутъ подданны ко милости твоей:
Мной должно множество народа помирати;
Тщись миловать сиратъ, вдовъ слезы отирати;
И строгости мои умѣривай какъ другъ:
Будь жалостна жена, когда жестокъ супругъ.
А естьли строгостей моихъ и не умѣришь;
Но милостью своей ты подданныхъ увѣришь,
Что есть еще къ кому въ страданьи прибѣгать;
Хотя ты страждущимъ не въ силахъ помогать.
Пусть мучится народъ, какъ мучился онъ прежде;
Но каждый живучи въ обманчивой надеждѣ,
Рожденный иго несть, какъ подлый человѣкъ,
Въ надеждѣ будетъ жить и мучиться во вѣкъ,
Прямыя помощи не видя ни откуду:
И тако говоря; я завтре щастливъ буду:
Довольствуется тѣмъ; но завтрѣ то придетъ,
И новыя ему напасти приведетъ.
Но пусть подвластный мнѣ всегда народъ болѣетъ:

Димитрій ни о комъ изъ нихъ не сожалѣетъ;
Для собственности всякъ живетъ на свѣтѣ семь:
Все въ мірѣ пагубно и развращенно въ немъ.
Хочу тираномъ быть: всѣ хвалятъ добродѣтель,
На свѣтѣ коей нѣтъ, чему весь міръ свидѣтель;
Не устрашаетъ адъ, колико ни грозитъ;
Такъ праведно людей Димитрій здѣсь разитъ.

Ксенія.

Достойно, государь, злодѣевъ истребляти;
Однако должно ли невинныхъ погубляти?
Не беззаконію-ль опредѣленна месть?

Димитрій.

Достойны мщенья всѣ, колико смертныхъ есть.

Ксенія.

Когда такими всѣхъ, Димитрій, примѣчаетъ;
Себя-ль единаго онъ только исключаетъ;

Димитрій.

Когда бы меняе самолюбивъ я былъ;
Давно-бъ Димитрія, Димитрій погубилъ:
И естьли-бъ было льзя съ собою раздѣлиться;
Я сталъ бы мукою своею веселиться,
Готовый самъ себѣ, въ мученьи, сострадать,
И на отчаянье отчаянъ соглядать.

Ксенія.

Изрядный бракъ теперь супругѣ обѣщаешь,
И преизрядное спокойство предвѣщаешь!

Супружницу-ль такой супружникъ пощадитъ,
Который и себѣ по нуждѣ не вредитъ?

Димитрій.

Когда боишься ты жестокости и казни;
Вседушно ты ищи супруговой пріязни:
Ставь мужа своево превыше естества:
Покорствуй, почитай въ немъ образъ Божества.

Ксенія.

Великолѣпенъ царь, почтенъ монархъ и славенъ;
Но быть любовницѣ любовникъ долженъ равенъ.
Хотя и узница съ царемъ сопряжена;
Она рабыня ли иль царская жена?
Ищи въ супружество дѣвицы равночестной.

Димитрій.

Ищу въ супружество дѣвицы я прелестной:
Порода красоты лицу не придаетъ:
Въ селѣ и въ городѣ цвѣтокъ равно цвѣтетъ:
А ставъ супругой мнѣ, судьбой опредѣленной,
Послушна буди дщерь монарха всей вселенной,
И мнѣ покорствуя любви моей ищи:
А ежели не такъ, страшись и трепещи.

Ксенія.

Георгій о женахъ не тако разсуждаетъ.

Димитрій.

Георгій рабствуетъ Димитрій обладаетъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Димитрій, Ксенія и Начальникъ Стражи.

Начальникъ.

Во градѣ радостной нѣтъ вѣсти ни какой:
Какъ сядетъ солнцѣ, съ нимъ исчезнетъ твой покой.
Ужасенъ вечеръ сей: жди съ трепетомъ ты ночи;
Не будутъ солнца зрѣть твои съ престола, очи,
Игнатій патріархъ во ересяхъ дрожалъ:
И се лукавый мужъ изъ града убѣжалъ.
Бояря вечеръ сей къ измѣнѣ простираютъ:
Духовныя отцемъ другова избираютъ;
Ожесточается дворянство и народъ;
Брегися, государь, жестокихъ ты погодъ.
Бъ тебѣ твоя одномъ осталась оборона:
Валится со главы уже твоей корона.

Димитрій.

И всѣхъ бояръ она съ собою повалитъ.

Начальникъ.

Ждетъ стража, что творить Димитрій повелитъ.

Димитрій.

Представь Пармена мнѣ и храбро стражей прави:
А въ страшной сей ночи свой сонъ совсѣмъ остави.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Димитрій и Ксенія.

Димитрій.

Вотъ вѣрности княжна князей твоихъ плоды!

Ксенія.

О небо, отврати отъ сихъ князей бѣды!
Когда, о царь! народъ передъ тобой злочиненъ;
Родитель ли мой въ томъ и князь Георгій виненъ?

Димитрій.

Я знаю ихъ давно; а ты отсель пойди.

Парменъ приходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Димитрій и Парменъ.

Димитрій.

Какой приказъ я дамъ, ты то разпоряди.
Сія мнѣ страшна ночь добра не превещаетъ:
И страхи вся моя грудь нынѣ ощущаетъ.
Дрожу — престолъ падетъ, проходитъ жизнь моя. —
Куда отчаянный, къ кому прибѣгну я!
Встаютъ противъ меня и Богъ и человѣки:
Разверсты пропасти, пылаютъ адски рѣки.
Ужъ я во узника почти преображенъ:
И небо и земля и адъ вооруженъ.
Духъ смутный демоны терзаютъ не отступно:

Мой подданный народъ гнушется мной купно:
Весь градъ колеблется, отъ варварства стѣня;
И отвращается Всевышній отъ меня.
Я врагъ природы всей, отечества предатель:
И самъ Создатель мой, мой нынѣ непріятель.

Парменъ.
Въ жестокосердіи не буди тако твердъ:
Колико грѣшенъ ты, Богъ столько милосердъ.

Димитрій.
Во милосердіи Богъ столько изобиленъ,
Колико я хранить уставъ Его безсиленъ.

Парменъ.
Во добродѣтели одной ево уставъ,

Димитрій.
Но добродѣтели противится мой нравъ:
И сердцу моему къ ней вижу путь я трудный.
Гдѣ скроюсь отъ Тебя, о Боже, правосудный;
Убѣжища мнѣ нѣтъ, во горести моей;
Адъ, небо и земля: все въ области Твоей:
И ждетъ меня мое мученье, безконечно;
Преобрати животъ въ небытіе мнѣ вѣчно:
Бери и огнь и громъ кинь, молнію, губи,
И духъ, изъ существа, на вѣки истреби!
Едино днесь меня едино, услаждаетъ.

Парменъ.
Конечно истинна твой разумъ побѣждаетъ?

Димитрій вручая ему хартію.
Что тутъ написано исполни все сіе.

Парменъ прочетъ надпись.
Кокову варварству стремленіе твое!

Димитрій.
Бояря, пастыри, всѣ-бъ были умерщвленны.

Парменъ.
Коль должно быть сему, труды мои явленны.

Димитрій.
Представь Георгія и Ксенію съ отцемъ,
Подъ стражей предъ моимъ монаршескимъ лицемъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Димитрій одинъ.

Блаженная душа идетъ въ объятье Бога:
А мнѣ показана съ престола въ адъ дорога.
Сія послѣдня ночь, ночь вѣчна будетъ мнѣ:
Увижу на яву, что страшно и во снѣ.
Скончаетъ неба мракъ народныя напасти:
Отниметъ у меня и жизнь и силу власти.
Багряная заря спѣшитъ на небеса,
И солнце утомясь нисходить за лѣса;
Дабы свѣжай себя природѣ возвратило....
Помедли въ небеси горящее свѣтило!
Во учрежденный часъ ты спустишься всегда!

А мнѣ уже тебя не зрѣти никогда.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Димитрій, Шуйской, Георгій и Стражи.

Димитрій.

Я вѣдаю то все, кѣмъ бунты учрежденны:
А вы предъ окнами умрети осужденны.

Шуйской.

Великій государь! —

Димитрій.

Не трати больше словъ.

Георгій.

Лишенный Ксеніи, умрети я готовъ;
Ужъ больше мнѣ нельзя ни чѣмъ на свѣтѣ льститься.

Шуйской.

Дай съ дочерью ты мнѣ въ послѣднія проститься:
Для ней единыя мнѣ смертный часъ боязнь.

Димитрій.

Я самъ того хочу умножить вашу казнь.

ЯВЛЕНІЕ СѢДЬМОЕ.

Шуйской, Георгій и Стражи.

Георгій.

Умремъ, безъ робости, себя преодолѣемъ:
Покажемъ городу, что мужество имѣемъ.
Умремъ.

Шуйской.

Умремъ; когда опредѣленный рокъ,
По власти Вышняго, толико намъ жестокъ.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Шуйской, Георгій, Ксенія и Стражи.

Ксенія.

Пришли уже часы неизреченной муки.
Се съ вами день моей, день вѣчныя разлуки!
Превыше силъ моихъ минуты мнѣ сіи;
О Небо укрѣпи ты немощи мои!

Шуйской.

Симъ образомъ монархъ на тронъ тебя вѣнчаетъ.

Георгій Ксеніи.

Симъ образомъ мою къ тебѣ любовь кончаетъ.

Ксенія.

Страдай ты, Ксенія, страдай, страдай теперь!

Георгій.

Любезная княжна!

Шуйской.

Возлюбленная дщерь!
Лишаюся тебя.

Георгій.

На вѣкъ тебя я трачу.

Ксенія.

Стѣню безъ помощи и безъ надежды плачу.

Шуйской.

Съ младенческихъ ты лѣтъ утѣхой мнѣ была:
Во добродѣтели и въ красотѣ цвѣла:
Своею красотой бесѣды украшала:
А добродѣтелью полъ женскій возвышала:
Къ веселью моему и радостямъ росла:
Ему сладчайшую надежду принесла.

Георгій.

Которая въ сей день на вѣки изчезаетъ.

Ксенія.

Томится грудь моя, тѣснится, замерзаетъ:...
Надъ страшной пропастью я бѣдная стою:
Возми, о Небо, жизнь, возми ты жизнь мою!
Чѣмъ прежде я себѣ, живуща ни ласкала,
Чево на свѣтѣ семь я, прежде, ни искала,
Всево лишаюся, лишаюся тово,
Что мнѣ и живота миляе моево.

Родитель мой!... мой князь!... тобою я
рожденна:
Твоей, нещастная, любовью побѣжденна;
Давъ дочери ты жизнь, вонзи ей мечъ во грудь,
И окончателемъ горчайшей жизни будь!
Иль ты вонзи мнѣ мечъ, любви моей содѣтель,
И буди вѣрности къ себѣ моей свидѣтель!

Георгій.

Крѣпися: сколько льзя, любезная княжна!

Шуйской.

Нужна моя мнѣ смерть.

Георгій.

И мнѣ она нужна.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Шуйской, Георгій, Ксенія со Стражами, Парменъ и Стражи.

Парменъ.

Въ темницу весть велѣлъ въ сію васъ царь
минуту.

Шуйской.

Иду въ темницу я.

Георгій.

Иду на смерть я люту.

Ксенія.

Парменъ!

Шуйской.

Идемъ, когда предѣлъ уже такой.

Парменъ.

Когда разрушили вы общества покой;
Примите мзду.

Шуйской.

Се мужъ достойный градожитель.

Георгій.

Казни и не суди насъ варварства служитель.

Ксенія.

Ты жалостный свой нравъ на звѣрство премѣнилъ,
Которо много разъ ты прежде самъ винилъ.

Парменъ.

Ведите ихъ.

Шуйской.

Умѣрь тоску княжна нещастна!

Георгій.

Останься, Ксенія, ты мною меньше страстна!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Ксенія со Стражами и Парменъ.

Ксенія.

Нетронутъ жалостнымъ позорищемъ такимъ.
Насыться злой тиранъ мученіемъ моимъ!
Когда ты наглыя чтишь варварски уставы;
Рази, влеки мой духъ, терзай мои составы,
Невинну кровь мою, подобно ты, пролей,
И руки обагривъ, безъ сожаленья, въ ней,
Взведи на небеса окровавленны руки.
Чтобъ ты избавленъ былъ, въ томъ мірѣ, вѣчной муки!
Богъ правый судія, колико Онъ ни щедръ;
Не внемлетъ онъ молитвъ изъ тартаровыхъ нѣдръ.
Отмстите небеса душѣ ево зловредной!
Отмстите! – ахъ, но мнѣ въ томъ какая польза бѣдной!
Хоть адскихъ не прервутъ мучители оковъ;
Отецъ любовникъ мой не встанутъ изъ гробовъ.
Я имъ мила а мнѣ они всево дороже;
Порабощенну мысль Тебѣ вручаю Боже.

Парменъ.

Въ неутолимыхъ сихъ пребуди ты слезахъ,
И будь отчаянна въ тирановыхъ глазахъ.
Я больше ни чево тебѣ не отвѣчаю.
Исполни, Боже, то, чево хочу и чаю!

Ксенія.

Чай мерзостный тиранъ и жди достойной мзды
Въ геенн҃ѣ соберешь насѣянны плоды.

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Ксенія и Стражи.

Ксенія.

Исполнилося все и часть моя свершенна:
Томись моя душа, толико сокрушенна.
Умрутъ и пренесутъ во гробъ ко мн҃ѣ любовь.
Остановляется дыханіе и кровь...
Ахъ! руки въ казнь уже убійцы простираютъ:
Вкушаютъ князи казнь, падутъ и умираютъ.
И преселяяся покорствуя судьбѣ,
Зовутъ и Ксенію страдающу къ себѣ,
Оставленную здѣсь, отчаянну и сиру:...
Иду, за вами я, къ безвѣстну нами міру....
Преобратился сей, цвѣтущій прежде, градъ
Во мрачный, въ ужасный, въ неизходимый адъ
Отверзи челюсти, пылающа геенна,
И выпусти меня! за что тобой я пленна?
Не въ адѣ я... но гдѣ жъ?... живали я... иль нѣтъ?..
Не рушишся-ль земля?.... не небо ли падетъ?..
Ахъ! небо и земля безвредны пребываютъ;
Но князи навсегда меня позабываютъ...
Куда стрегущія велите мн҃ѣ ийти?
Вездѣ равно; ни гдѣ отрады не найти!

Занавѣсъ опускается.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Димитрій одинъ.

Занавѣсъ подымается: Димитрій спящій сидитъ на креслахъ: возлѣ нево столъ, на которомъ царскія утвари, и проснувся говоритъ:

Довольно я терплю душевныхъ огорченій;
Не умножайте вы мѣчты моихъ мученій:
Мнѣ все приснилося, чѣмъ страшенъ сей мнѣ градъ:
И весь передъ меня предсталъ ужасный адъ.
слышенъ колоколъ.
Въ набатъ біютъ! сему біенью что причина!
Встаетъ.
Въ сей часъ, въ сей страшный часъ, пришла моя кончина.
О ночь! о грозна ночь! о ты противный звонъ!
Вѣщай мою бѣду, смятеніе и стонъ.
Трепещетъ духъ во мнѣ... сего не зналъ я прежде.
Обьятъ отчаяньемъ и нѣтъ путей къ надеждѣ.
Домъ царскій зыблется, колеблется чертогъ....
О Боже!... но меня оставилъ вѣчно Богъ:...
А люди моего гнушаются и виду...
Смотрю прибѣжища... не зрю... въ геенну сниду
Во преисподнюю, ступай душа моя!
Правитель естества! и тамъ рука Твоя!
Исторгнешь мя на судъ, изъ адскія утробы:
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы;

И человѣчества я врагъ и Божества;
Противъ я шелъ Тебя, противъ и естества...
Весь воздухъ возшумѣлъ: враги вооруженны,
У стѣнъ моихъ палатъ ярятся приближенны:
А я безсильствую ихъ наглости внемля....
Все, все противъ меня, и небо и земля....
О градъ которымъ я ужъ больше не владѣю,
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Димитрій, Стражи и Страженачальникъ.

Начальникъ.

Весь Кремль народомъ полнъ, домъ царскій окруженъ
И гнѣвъ во всѣхъ серцахъ противъ тебя зазженъ:
Вся стража сорвана: остались мы едины.

Димитрій.

Не можетъ быть ни что жесточе сей судьбины!
Пойдемъ.... повержемъ.... стой... ступай... будь здѣсь... бѣги
И мужествомъ число враговъ превозмоги!
Бѣгите! тщитеся Димитрія избавить!...
Куда бѣжите, вы?... хотите мя оставить?
Не отступайте прочь и защищайте дверь!...
Убѣгнемъ... тщетно все и поздно все теперь:
Введите Ксенію.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Димитрій одинъ.

Не трона отлученье,
Важнѣшее мое, тяжчайшее мученье;
Но то, что въ ярости лютѣйшей я горю,
И услажденія въ отмщеніи не зрю;
Въ крови измѣничей въ крови рабовъ виновныхъ;
Въ крови бы плавалъ я, и свѣтскихъ и духовныхъ:
Явилъ бы, каковы разгневанны цари,
И кровьюбъ обагрилъ и тронъ и олтари:
Наполнилъ бы я всю подсолнечную страхомъ:
Преобратилъ бы сей престольный градъ я прахомъ;
Зажегъ бы градъ я весь; и градъ бы воспылалъ,
И огнь во пламени до облакъ возсылалъ;
Ахъ! суетно сіи мя мысли утѣшаютъ:
Когда меня судьбы отмщенія лишаютъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Димитрій, Ксенія и Стражи.

Димитрій.

Внимая бунта шумъ ты въ радости не мни,
Что нѣжности твоей не кончилися дни;
Какъ скоро ты меня узришь не на престолѣ;
Не будешь ты часа на Свѣтѣ етомъ болѣ;
Ударъ, который мя измѣною сразитъ.
Моею и въ тебя рукой кинжалъ вонзитъ:

Ты узницей умрешь, не царскою супругой.

Ксенія.

Достойна смерти сей, какою я прослугой?

Димитрій.

Любовница и дочь предателей моихъ!
Когда они спаслись; такъ ты умри за нихъ.
И симъ ужъ ты винна, что тѣхъ народовъ дѣва,
Которы моего достойны царска гнѣва.

Ксенія.

Не страшенъ болѣе нещастный мнѣ конецъ,
Когда спасенны мой любовникъ, и отецъ;
Единыя такой боялась я разлуки.
Омой невинною моею кровью руки:
Когда ни милости, ни сожалѣнья нѣтъ;
Кончай плачевну жизнь во дни цвѣтущихъ лѣтъ!
Не удивится ли Россія и вселенна,
Услыша, что тобой дѣвица умерщвленна,
Толико близко бывъ у сердца твоево,
Ко раздраженію не сдѣлавъ ни чево.
Не ждетъ родитель мой моей невинной казни,
Ни городъ нашъ ко мнѣ такой твоей пріязни,
Не думаетъ ни кто, что я ихъ долгъ плачу,
И полъ чертоговъ сихъ я кровью омочу.

Димитрій.

Прельстившемуся мнѣ прекрасная тобою,
Одни ужъ мысли зрѣть тя мертву предъ собою.
Зрю самъ, колико ты въ сіи часы бѣдна;

Но ты къ отмщенью мнѣ осталася одна
Винна ли ты иль нѣтъ, будь винна града жертва.
Доколь не свергнуся съ престола, буди мертва...
Въ преддверіи моемъ, я слышу стукъ и трескъ...
Пришли минуты злы, короны тмится блескъ.
Готовься ощущать караемую злобу,
Хватаетъ ее за руку: вынимаетъ кинжалъ и подымаетъ на нее.
Жди смерти и умри, предшествуй мнѣ ко гробу,

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Димитрій, Ксенія, Шуйской, Георгій и Воины.

Георгій.

Какое зрѣлище!

Шуйской.

Свирѣпая душа!

Димитрій.

Лишайтеся ея, престола мя лиша!

Георгій несколько приближася къ нему.

Когда ты чьей нибудь погибели желаешь;
Смягчи суровство мной, въ которомъ ты пылаешь!
Георгій твой злодѣй.

Шуйской.

Не онъ, не дочь моя,
Виновны предъ тобой, начальникъ бунтовъ я.

Димитрій.

Когда содѣяши хотите ей пощаду;
Ступайте вонъ отсель и объявите граду,
Что я имъ дарствую и милость и пріязнь,
Или надъ сей княжной свершится града казнь.

Шуйской.

За градъ отеческій, вкушай княжна, смерть люту!

Георгій.

Стремится на меня зло все въ сію минуту!...
Судьбина, ждалъ ли я столь страшнаго часа!...
Вельможи и народъ!... Димитрій!... небеса!...
Оставь невинную; моей лей токи крови,
И сотвори конецъ нещастнѣйшей любови!

Димитрій.

Мнѣ жертва та мала къ отмщенью моему.

Георгій отступивъ и обратясь къ народу.

Спасенія лишенъ на смерть лечу къ нему,
бросаяся на нево.
Прости любезная!

Ксенія.

Прости!

Димитрій устремився Ксенію заколоть.
Увяньте Розы!

Парменъ съ обнаженнымъ мечемъ, вырывая Ксенію изъ рукъ ево.
Прошли уже твои жестокости и грозы:
Избавленъ нашъ народъ смертей, гоненій, ранъ;
Не страшенъ никому въ безсиліи тиранъ.

Димитрій.
Ступай душа во адъ и буди вѣчно плѣнна!
Ударяетъ себя во грудь кинжаломъ и взывая падущій въ руки стражей:
Ахъ, естьли бы со мной погибла вся вселенна!

Конецъ.

Оглавленіе

ПРИМѢЧАНІЕ. 4
ТОЧНЫЙ МНѢ Г. ВОЛТЕРА ОТВѢТЪ 8
Разсмотреніе содержанія Евгеніи..... 11
ДЕЙСТВИЕ I. 12
ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ. 12
ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ. 18
ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ. 19
ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. 20
ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ. 22
ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ. 24
ДѢЙСТВІЕ II. 27
ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ. 27
ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ. 29
ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ. 32
ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. 33
ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ. 34
ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ. 35
ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ. 36
ДѢЙСТВІЕ III. 38
ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ. 38
ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ. 39
ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ. 40
ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. 42
ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ. 45
ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ. 48
ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ. 50
ДѢЙСТВІЕ IV. 52
ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ. 52
ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ. 55
ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ. 56
ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. 56

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ. 58
ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ. 59
ЯВЛЕНІЕ СѢДЬМОЕ. 60
ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ. 60
ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ. 62
ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ. 64
ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ. 65
ДѢЙСТВІЕ V. 67
ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ. 67
ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ. 68
ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ. 69
ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. 69
ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ. 71

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (http://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка… Смѣнялись поколѣнія… Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т.к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трёхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города… Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли ещё десятки подобныхъ сёлъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – иждётъ…

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернётся, т.к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документаціи.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счётъ получателя: 40703810655100000343 въ Съверо-Западномъ банкѣПАО «Сбербанкъ Россіи», Санктъ-Петербургъ.
ИНН получателя: 7816290748.
Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.
Счётъ Банка получателя: 30101810500000000653.
БИК Банка получателя: 044030653.
Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921)33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]